

Л.И. Смирных
НИУ ВШЭ, Москва

Е.Ю. Полякова
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Трудовые доходы и интеграция мигрантов на российском рынке труда¹

Аннотация. Трудовые ресурсы стран имеют значение для их экономического роста и национальной безопасности. Проблема естественной убыли населения во многих странах часто решается за счет увеличения притока внешних мигрантов. Россия не является исключением. Объектом данного исследования является особая категория мигрантов – население иностранного происхождения, численность которого в трудовых ресурсах стран растет во всем мире. Предметом данного исследования является интеграция населения иностранного происхождения на российском рынке труда по трудовым доходам. Для оценки были использованы данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2012 гг. и методы декомпозиции Блайндера–Оаксаки. Было установлено, что интеграция населения иностранного происхождения на российском рынке труда зависит от его этнического происхождения и уровня доходов. Трудовые доходы русского населения иностранного происхождения значительно не отличаются от трудовых доходов местного населения России, независимо от его этничности. А трудовые доходы нерусского населения иностранного происхождения во всех доходных группах ниже трудовых доходов местного населения. При этом различия в трудовых доходах между двумя группами населения с более высокими доходами меньше, чем с низкими доходами.

Ключевые слова: иммиграция, население иностранного происхождения, интеграция, дифференциация трудовых доходов, дискриминация, рынок труда.

Классификация JEL: J15, J31, J61, J71.

DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-4

1. Введение

Во многих странах мира сокращается численность населения (ООН, 2019). Россия не является в этом исключением. К 2036 г. население России в трудоспособном возрасте может уменьшиться на 5,4 млн человек². Проблема нехватки рабочих рук в условиях естественной убыли населения³ в России может решаться за счет мигрантов⁴.

Вместе с тем увеличение численности мигрантов на рынке труда может постепенно вытеснять с него коренное население. Мигранты могут дополнять, а могут и замещать местную рабочую силу. В этой связи актуальным становится изучение характера интеграции мигрантов на национальных рынках труда принимающих государств.

Объектом данного исследования является особая категория мигрантов – население иностранного происхождения (foreign-born) –

¹ Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Федеральная служба государственной статистики «Демографический прогноз до 2035 года» (2016 г.).

³ В 2018 г. число умерших превысило число родившихся в 1,2 раза (Федеральная служба государственной статистики «Естественное движение населения», 2018 г.).

⁴ Доклад «Социально-экономическое положение России», Федеральная служба государственной статистики, 2018 г.; «Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года и информация о ходе ее исполнения», Федеральная миграционная служба, 2012 г.

это население, которое родилось за пределами России⁵. В 2000 г. доля населения иностранного происхождения в общей численности населения стран ОЭСР насчитывала 9,5%, а в 2017 г. она составила уже 13% (127 млн человек)⁶. В России доля населения иностранного происхождения в общей численности населения страны в 2010 г. равнялась 7,8% (11,2 млн человек)⁷. Основная часть населения иностранного происхождения России представлена вынужденными переселенцами и выходцами из республик бывшего Советского Союза (Chudinovskikh, 2013).

Изучение данной категории мигрантов представлено на российских данных весьма ограниченно. В работах российских авторов рассматриваются преимущественно временные трудовые мигранты и иностранная рабочая сила (Локшин, Чернина, 2013; Вакуленко, Леухин, 2016). Население иностранного происхождения отличается от других видов мигрантов. Оно находится на российском рынке труда, как правило, длительно и с высокой вероятностью может иметь российское гражданство, которое уравнивает его в правах на рынке труда с коренным населением России. Это дает населению иностранного происхождения возможность занять на рынке труда такое же положение, как и местная рабочая сила, и иметь трудовые доходы, схожие с трудовыми доходами местного населения. При этом производительные характеристики населения иностранного происхождения могут отличаться от производительных характеристик местного населения. Население иностранного происхождения, получая образование часто за пределами России, может в разной степени владеть русским языком, а его этническое происхождение (ethnicity)⁸, культурные традиции могут отличаться от местного населения России. Таким образом, две группы населения могут различаться уровнем и качеством накоплений человеческого капитала. Две разные по производительности группы населения могут быть по-разному распределены по отраслям экономики (профессиям), иметь разный доступ к высокооплачиваемым рабочим местам, шансы для карьерного продвижения и др. В результате их трудовые доходы могут различаться. Какой из эффектов доминирует, свидетельствует о том, как происходит интеграция населения иностранного происхождения с местной рабочей силой на российском рынке труда.

Предметом данного исследования является характер интеграции населения иностранного происхождения на российском рынке труда. Анализ интеграции проводился по трудовым доходам – как важному показателю, характеризующему положение отдельных групп населения на рынке труда. Для оценки были использованы данные об индивидах из опроса домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ⁹ за 2006–2012 гг.,

⁵ «Рекомендации ООН по статистике международной миграции», Организация Объединенных Наций, 1998 г.

⁶ «International Migration Outlook 2018» (OECD Publishing, Paris).

⁷ «Всероссийская перепись населения», Федеральная служба государственной статистики, 2010 г.

⁸ В тексте статьи термины «этническое происхождение» и «этничность» используются как синонимы.

⁹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

которые являются репрезентативными по России, содержат сведения о положении населения иностранного происхождения и местного населения на российском рынке труда. Для анализа применялись методы декомпозиции Блайндера–Оаксаки (Blinder, 1973; Оаксака, 1973) и Черножукова–Фернандес-Валь–Мелли (Chernozhukov et al., 2013).

2. Теория и обзор литературы

2.1. Что понимают под интеграцией мигрантов

Интеграция мигрантов стала предметом научных дискуссий во второй половине XX в. (Ионцев, Ивахнюк, 2013). Однако единого понимания процесса интеграции мигрантов в научных исследованиях не существует. В одних случаях речь идет о культурной интеграции мигрантов (Portes, Zhou, 1993; Perlman, Waldinger, 1997), в других — о социальной (Катровский, 1999; Portes, 1995) и политической (Weiner, 1992; Schuck, 2000; Гопилин, 2010).

Известно, что интеграция означает объединение разрозненных частей в единое целое (Ожегов, 2000). Исходя из этого, применительно к рынку труда под интеграцией мы понимаем объединение мигрантов с местной рабочей силой в пространстве российского рынка труда.

Оценка характера интеграции мигрантов на рынке труда (Borjas, Hilton, 1996; Aleksynska, Algan, 2010; Kerr S., Kerr W., 2011; Мукомель, 2016; Ионцев, Ивахнюк, 2013; Малахов, 2015) часто проводится по двум основным направлениям: занятости (например, уровню, условиям и структуре) (Kymlicka, 2010; Human et al. 2011; Glitz, 2014; Kalter, Granato, 2001) и трудовым доходам (Aldashev et al., 2012; Elliot, Lindley, 2008; Husted et al., 2000; Chiswick, 1978; LaLonde, Topel, 1991; Lubotsky, 2007).

Определение характера интеграции мигрантов на рынке труда зависит от выбранного исследовательского подхода. Одни авторы рассматривают интеграцию мигрантов как объединение мигрантов с местной рабочей силой в единый рынок труда, при котором обе группы имеют не только равные права, но и одинаковое положение. Мигранты считаются интегрированными на рынке труда только в том случае, если их положение на рынке труда не отличается от положения местного населения (Krutova, Lipiäinen, Koistinen, 2016; Aleksynska, Algan, 2010; Tastsoglou, Preston, 2005). В этом случае «интеграция» и «ассимиляция» мигрантов на рынке труда рассматриваются как синонимы.

Другие авторы считают мигрантов интегрированными на рынке труда принимающих стран, если они объединены с местной рабочей силой в пространстве единого рынка труда. При этом их положение может отличаться от положения местного населения на едином рынке труда (Irastorza, Bevelander, 2017; Blau, Mackie, 2016; Boudarbat, 2011; Liebig, 2007, 2009).

В данном исследовании мы придерживаемся второго подхода и считаем, что при интеграции мигрантов их положение на рынке

труда может отличаться от положения местной рабочей силы. При этом мы опираемся на методологию, которую использует ряд исследователей (Zimmermann L., Zimmermann K., Constant, 2007; Zenou, 2009; Bisin et al., 2011; Constant, Zimmermann, 2011). Основными особенностями выбранного методологического подхода являются учет этнической принадлежности мигрантов и разделение понятий «интеграция» и «ассимиляция» на рынке труда.

2.2. Роль институтов в интеграции мигрантов на рынке труда

Существует два подхода к оценке роли институтов в интеграции мигрантов на рынках труда принимающих стран (Малахов, 2015).

Согласно первому, неолиберальному, подходу интеграция мигрантов осуществляется без поддержки специальных интеграционных программ. Этот подход доминирует в США и предполагает либо самостоятельную интеграцию мигрантов, либо их интеграцию при поддержке негосударственных организаций (НГО) (Малахов, 2015), но без какой-либо поддержки со стороны государства. Такой подход называют еще самоинтеграцией мигрантов.

Согласно второму подходу интеграция мигрантов осуществляется при активном участии со стороны государства, которое формирует законодательную базу, разрабатывает интеграционные программы, специальные контракты¹⁰ для мигрантов и осуществляет меры, направленные на их интеграцию (Варшавер, Рочева, 2016; Малахов, 2015). Этот подход к интеграции мигрантов преобладает в странах Западной Европы.

В России вопросы интеграции мигрантов стали обсуждаться на государственном уровне с 2012 г. при разработке «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.» (2012 г.). С 2014 г. в разработке находится проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (2014 г.), направленный на адаптацию и интеграцию иностранных граждан в России.

Кроме того, в России с 2006 г.¹¹ действует государственная программа оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Участники программы имеют право на компенсацию расходов на переезд в Россию, получение подъемного пособия и др. В результате действия программы в Россию переселились к 2011 г. около 62 тыс. человек (Рязанцев, Письменная, Храмова, 2015). Однако бюрократические сложности и отсутствие прямых мероприятий, направленных на интеграцию переселенцев на рынке труда, осложняют реализацию программы (Ионцев, Ивахнюк, 2013).

¹⁰ Интеграционный контракт — юридический договор, заключаемый между мигрантом и органом исполнительной власти принимающей страны. Согласно контракту мигранты обязуются освоить язык, историю и культуру принимающей страны, соблюдать ее законы, платить налоги и т.д. (Юдина, 2014).

¹¹ Был принят Федеральный закон № 99 от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»; в 2006 г. издан Указ № 637 от 22 июня 2006 г. Президента РФ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Подводя итог, можно заключить, что в России по факту интеграция мигрантов на рынке труда осуществляется в соответствии с неолиберальным подходом. Она реально происходит как самоинтеграция мигрантов без активного участия со стороны государства.

2.3. Дифференциация трудовых доходов

Трудовые доходы являются важным показателем характера интеграции мигрантов на рынке труда. В большинстве стран мира трудовые доходы мигрантов ниже трудовых доходов местного занятого населения. При этом размер дифференциации трудовых доходов между двумя группами населения различается по странам (Barret, McCarthy, 2007; Hofer et al., 2017; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Bartolucci, 2010). Например, в Германии в 1995–2005 гг. трудовые доходы местного занятого населения были в среднем на 13% выше, чем у населения иностранного происхождения (Bartolucci, 2010). В 1992–2009 гг. трудовые доходы немецких мужчин на 11,3%, а женщин на 20% были выше трудовых доходов мигрантов – мужчин и женщин (Aldashev et al., 2012). В Ирландии в 2005 г. и в Австрии в 2008–2010 гг. трудовые доходы местного населения были в среднем на 15% выше доходов трудовых мигрантов (Barret, McCarthy, 2007; Hofer et al., 2017). В Португалии в 2002–2008 гг. трудовые доходы местного населения на 13,9% превышали трудовые доходы мигрантов (Cabral, Duarte, 2013).

Результаты по азиатским странам указывают на аналогичное соотношение трудовых доходов местной рабочей силы и мигрантов (Anees, Sajjad, Ahmed, 2010). Например, в Малайзии в 2007 г. трудовые доходы местного населения были в среднем на 70% выше трудовых доходов мигрантов (Anees et al., 2010).

Российские исследования дифференциации трудовых доходов проводились для иностранной рабочей силы и временных трудовых мигрантов. Согласно выборочным опросам Центра миграционных исследований уровень трудовых доходов занятых россиян на 10–15%, а в периоды кризиса – на 21%, выше трудовых доходов временных трудовых мигрантов (Зайончковская, Тюрюканова, 2010).

На данных о миграционных квотах было установлено, что в России иностранные работники зарабатывают меньше местных (Commander, Denisova, 2012). В 2009–2013 гг. разница в уровне трудовых доходов между ними составила 40% (Вакуленко, Леухин, 2016).

Трудовые доходы временных трудовых мигрантов из Таджикистана гораздо ниже трудовых доходов местных работников. В 2007 г. дифференциация доходов между этими двумя группами населения составила 37%, а в 2009 г. – уже 45% (Локшин, Чернина, 2013).

Подводя итог, можно заключить, что в России, как и в большинстве стран мира, мигранты зарабатывают меньше местной рабочей силы. При этом оценка дифференциации трудовых доходов населения иностранного происхождения и местного занятого населения на рос-

сийских данных ранее не производилась. Наше исследование восполняет образовавшийся пробел.

3. Данные и методология

Эмпирический анализ проводился на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2012 гг. В выборку для анализа вошли мужчины и женщины в возрасте от 15 до 72 лет, которые удовлетворяли хотя бы одному из условий: имели постоянную работу; выполняли какую-либо оплачиваемую работу за последние 30 дней; находились в оплачиваемом отпуске (кроме отпуска по уходу за ребенком); пребывали в неоплачиваемом отпуске. Размер выборки за 2006–2012 гг. составил 14 085 респондентов, с учетом пропущенных значений.

Численность занятого населения иностранного происхождения определялась на основе ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой республике бывшего СССР вы родились?» К группе населения иностранного происхождения были отнесены респонденты, не рожденные в России, вне зависимости от времени их переезда в страну. Они могли переехать в Россию как до, так и после распада Советского Союза. Доля занятого населения иностранного происхождения в выборке составила 12%. Из них 71% являлись русскими, а 29% были нерусскими.

Продолжительность проживания населения иностранного происхождения в России рассчитывалась за 2009–2012 гг., за которые доступна информация о годе переезда респондентов в Россию.

Оценка дифференциации трудовых доходов между занятым населением иностранного происхождения и местным занятым населением осуществлялась с применением методов декомпозиций Блайндера–Оаксаки (Blinder, 1973; Оаксака, 1973) и Черножукова–Фернандес-Валь-Мелли (Chernozhukov et al., 2013).

Анализ базировался на расчете уравнений Минцера (Mincer, 1974) для почасовых трудовых доходов¹² занятого населения иностранного происхождения (f), $W_f = X_f \beta_f + \varepsilon_f$, и местного занятого населения (n), $W_n = X_n \beta_n + \varepsilon_n$, где W – переменная логарифма трудовых доходов, X – вектор социально-демографических характеристик, β – вектор параметров. Оценка двухсоставной декомпозиции Блайндера–Оаксаки осуществлялась следующим образом (Blinder, 1973; Оаксака, 1973):

$$\bar{W}_r - \bar{W}_f = \left[\underbrace{(\bar{X}_n - \bar{X}_f)}_{\text{объяснимая разница}} \beta_n \right] + \left[\underbrace{\bar{X}_f}_{\text{необъяснимая разница}} (\beta_n - \beta_f) \right], \quad (1)$$

где $\bar{W}_r, \bar{W}_f$ – среднее значение логарифма часовых трудовых доходов соответствующей группы; $\bar{X}_n, \bar{X}_f$ – значения социально-демографических характеристик соответствующей группы населения (возраст, возраст в квадрате, гендерная принадлежность, уровень образования, обучение в Советском Союзе¹³; стаж работы на одном предприятии,

¹² Месячные трудовые доходы (приведенные к ценам 2006 г.) были разделены на число отработанных часов в месяц.

¹³ Если на момент распада Советского Союза (1991 г.) респонденту было более 9 лет, то предполагалось, что он хотя бы один год обучался в Советском Союзе.

семейный статус, наличие детей, регион проживания и тип населенного пункта).

Первая часть уравнения (1) характеризует дифференциацию трудовых доходов между двумя группами населения по их различиям в наблюдаемых социально-демографических характеристиках; вторая часть уравнения (1) характеризует необъяснимую дифференциацию трудовых доходов. Она может быть вызвана как недоучтенными ненаблюдаемыми характеристиками респондентов (например, разнородностью способностей, качеством образования), так и дискриминацией на рынке труда.

Учитывая возможное смещение оценок из-за влияния ненаблюдаемых факторов (например, способностей респондентов), были выполнены оценки с применением метода декомпозиции Черножукова–Фернандес-Валь–Мелли (Chernozhukov et al., 2013), который является развитием метода декомпозиции Мачадо–Мата, объединяющим технику декомпозиции квантильной регрессии с бутстрапированием (Machado, Mata, 2005). В рамках данного метода предполагается, что трудовые доходы более способных респондентов находятся в верхнем, а менее способных – в нижнем квантиле распределения доходов (Christl, Köppl-Turyana, 2017; Van Kerm, Yu, Choe, 2016).

Дифференциация трудовых доходов между двумя группами населения определялась по формуле

$$F_f(W|X_f) - F_n(W|X_n) = \underbrace{\left[F_f(W|X_f) - F_n(W|X_n) \right]}_{\text{эффект коэффициентов}} + \underbrace{\left[F_n(W|X_f) - F_n(W|X_n) \right]}_{\text{эффект характеристик}}, \quad (2)$$

где $F_f(W|X_f)$ – функция фактического распределения трудовых доходов занятого населения иностранного происхождения; $F_n(W|X_n)$ – функция фактического распределения трудовых доходов местного занятого населения; $F_m(W|X_f)$ – функция гипотетического распределения трудовых доходов занятого населения иностранного происхождения при одинаковых производительных характеристиках с местным занятым населением. Набор объясняющих переменных совпадал с тем, который использовался в расчетах методом декомпозиции Блайндера–Оаксаки.

Первое слагаемое уравнения (2) (эффект коэффициентов) объясняет дифференциацию трудовых доходов между двумя группами населения по их ненаблюдаемой разнородности, которая может быть обусловлена, например, различиями в способностях двух групп или дискриминацией (Van Kerm et al., 2016). Второе слагаемое уравнения (2) (эффект характеристик) объясняет дифференциацию трудовых доходов между двумя группами населения по различиям в их наблюдаемых производительных характеристиках (Christl, Köppl-Turyana, 2017).

4. Результаты

Результаты проведенного анализа показали, что в России уровень месячных и почасовых доходов населения иностранного происхождения ниже доходов местного населения. При этом фактический месячный фонд рабочего времени у населения иностранного происхождения значительно выше, чем у местной рабочей силы (см. Приложение, табл. 1П).

Средняя продолжительность проживания в России занятого населения иностранного происхождения составляет 24 года. При этом нерусское население иностранного происхождения проживает в России меньшее количество лет, чем русское население иностранного происхождения. Однако в обеих группах большая часть населения (русские – 88%, нерусские – 85%) проживает в России более 11 лет (см. Приложение, табл. 2П). Таким образом, большая часть занятого населения иностранного происхождения с высокой вероятностью уже приобрела гражданство России.

Установлено, что дифференциация трудовых доходов между двумя группами населения зависит от этнической принадлежности населения иностранного происхождения. В среднем трудовые доходы русского населения иностранного происхождения значимо не отличаются от трудовых доходов местной рабочей силы, а средний уровень трудовых доходов нерусского населения иностранного происхождения значимо ниже трудовых доходов местного населения России (см. табл. 1).

Учитывая незначительные различия в продолжительности проживания в России у двух групп населения иностранного происхождения, нельзя с полной уверенностью утверждать, что различия в их трудовых доходах с местной рабочей силой объясняются этим фактором.

На дифференциацию трудовых доходов между населением иностранного происхождения и местной рабочей силой скорее влияют различия в спросе на труд. Установлено, что уровень безработицы среди экономически активного населения значительно выше у нерусских мигрантов (10%), чем у местной рабочей силы (8%). Относительно низкий спрос на труд нерусских мигрантов может приводить к снижению уровня их трудовых доходов по сравнению с трудовыми доходами местного населения. При этом уровни безработицы у русского населения иностранного происхождения и местной рабочей силы значимо не различаются. Этим могут объясняться незначимые различия в трудовых доходах этих двух групп населения.

Результаты, полученные методом декомпозиции Оаксаки-Блайндера, свидетельствуют: различия (сходства) в наблюдаемых производительных характеристиках между русским населением иностранного происхождения и местным населением приводят к сокращению дифференциации трудовых доходов между двумя группами (см. табл. 1). Среди русского населения иностранного происхождения меньше доля лиц, которые учились в Советском Союзе. Оно старше по возрасту, чем местное население России. Стаж работы на одном предприятии у рус-

ского населения иностранного происхождения меньше, чем у местного населения. Оно чаще проживает в Москве, чем местное население. При этом гендерный состав и образовательная структура населения двух групп не различаются (см. Приложение, табл. 1П). Русское население иностранного происхождения чаще местного населения России занято в строительстве, на транспорте, в связи и финансах. Но среди него меньше доля занятых в торговле и бытовом обслуживании, в образовании и промышленности, чем среди местного населения. Русское население иностранного происхождения чаще занято на рабочих местах как специалисты среднего уровня квалификации и офисные служащие, чем местное население. Но среди него меньше доля специалистов высшего уровня квалификации и квалифицированных рабочих, чем среди местного населения (см. Приложение, табл. 3П).

Одновременно с этим на дифференциацию трудовых доходов между двумя группами населения значимо влияют ненаблюдаемые факторы. Вклад необъяснимой части в декомпозиции доходов двух групп населения является положительным (табл. 1). Таким образом, при одинаковых производительных характеристиках двух групп населения трудовые доходы русского населения иностранного происхождения оказываются ниже трудовых доходов местного населения России (табл. 1). Причинами относительно низких доходов у населения иностранного происхождения могут быть как ненаблюдаемые способности, так и дискриминация на рынке труда.

В целом вклад необъяснимой части декомпозиции в дифференциацию трудовых доходов между русским населением иностранного происхождения и местным населением немного больше, чем вклад объяснимой части декомпозиции. Однако в сумме обе части декомпозиции дают незначимую разницу в трудовых доходах между двумя группами населения (табл. 1).

Дифференциация трудовых доходов между нерусским населением иностранного происхождения и местным населением является значимой и формируется иным образом. Было установлено, что трудовые доходы нерусского населения иностранного происхождения значимо ниже трудовых доходов местного населения России (табл. 1).

Наблюдаемые различия (сходства) в производительных характеристиках двух групп населения сокращают размер дифференциации трудовых доходов между ними (табл. 1). Нерусское население иностранного происхождения работает в месяц больше часов, чем местное население России. Среди него выше доля мужчин, чем среди местного населения России. Нерусское население иностранного происхождения чаще проживает в Москве, чем местное население России. При этом среди нерусского населения иностранного происхождения ниже доля лиц с высшим образованием, но выше доля лиц со средним образованием. Стаж работы на одном предприятии у нерусского населения иностранного происхождения ниже по сравнению с местным населением России (см.

Приложение, табл. 1П). Нерусское население иностранного происхождения сосредоточено преимущественно в отраслях экономики, в которых спрос на труд зависит от сезонности и колебаний конъюнктуры. В частности, нерусское население иностранного происхождения чаще, чем местное население, занято в строительстве, торговле и бытовом обслуживании. Кроме того, нерусское население иностранного происхождения занято часто на рабочих местах, не требующих высокой квалификации и опыта работы, что отражается на уровне доходов. Они оказываются в среднем ниже трудовых доходов местного населения (см. Приложение, табл. 3П).

Кроме того, нерусские мигранты реже заняты на предприятиях с государственной долей собственности, чем местное население. Их занятость на рабочем месте реже оформлена официально по сравнению с местным населением (см. Приложение, табл. 1П). В этой связи их рабочие места относятся с высокой вероятностью к периферии, для которой является характерным низкий уровень защиты занятости и низкий уровень заработной платы.

Установлено, что дифференциация в трудовых доходах между нерусским населением иностранного происхождения и местным населением складывается, главным образом, за счет вклада ненаблюдаемой части декомпозиции (табл. 1). Она обусловлена не различием наблюдаемых производительных характеристик двух групп, а разнородностью двух групп по ненаблюдаемым характеристикам (например, когнитивным, коммуникативным и другим способностям). Также она может быть результатом ограниченного доступа для нерусского населения иностранного происхождения к определенным рабочим местам, то есть сегрегацией рабочих мест как одним из видов дискриминации на российском рынке труда.

Таблица 1

Дифференциация почасовых трудовых доходов: двухсоставная декомпозиция Блайндера–Оаксаки

Логарифм почасовых трудовых доходов	Население иностранного происхождения			
	русское		нерусское	
	Коэффициент	%	Коэффициент	%
Общая разница	0,01 (0,01)	100,00	0,11*** (0,02)	100,00
Объяснимая часть	-0,02*** (0,00)	-200,00	-0,02** (0,01)	-18,18
Необъяснимая часть	0,03*** (0,01)	300,00	0,13*** (0,02)	118,18

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно. Базовая группа – местное занятое население. В круглых скобках приведены стандартные ошибки. Расчеты, выполненные для месячных трудовых доходов с применением метода декомпозиции Блайндера–Оаксаки, показали аналогичные результаты.

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2006–2012.

Результаты декомпозиции по методу Черножукова–Фернандес-Валь–Мелли (Chernozhukov et al., 2013) выявили, что дифференциация трудовых доходов между населением иностранного происхождения и местным населением зависит от уровня доходов и различается в высоко и низко доходных группах населения. Установлено также, что этническая принадлежность населения и в этом случае имеет значение. Трудовые доходы русского занятого населения иностранного происхождения во всех квантилях не отличаются значительно от трудовых доходов местного населения (табл. 2).

При этом трудовые доходы нерусского населения иностранного происхождения во всех квантилях ниже, чем трудовые доходы местного населения (табл. 2). Но размер дифференциации трудовых доходов между двумя группами населения не одинаковый по квантилям. Если в нижнем квантиле трудовые доходы нерусского населения иностранного происхождения ниже трудовых доходов местного населения на 15%, то в верхнем квантиле – на 5% (табл. 2). Таким образом, дифференциация трудовых доходов между двумя группами населения сокращается по мере повышения уровня доходов населения.

Различия в наблюдаемых производительных характеристиках между населением иностранного происхождения и местным населением приводят к большему сближению уровней их доходов в высокодоходных группах (–60,0%), чем в низкодоходных группах (–6,67%) (табл. 2).

Наибольший вклад в дифференциацию трудовых доходов между нерусским населением иностранного происхождения и местным населением вносит необъяснимая часть (эффект коэффициентов) декомпозиции. При этом за счет нее отставание трудовых доходов нерусского населения иностранного происхождения от трудовых доходов местного населения в нижнем квантиле больше, чем в верхнем квантиле. Как следствие, с повышением уровня доходов вклад ненаблюдаемых способностей и (или) дискриминации на рынке труда в дифференциацию трудовых доходов между двумя группами населения становится меньше (табл. 2).

Подводя итог, можно заключить, что на российском рынке труда интеграция населения иностранного происхождения по трудовым доходам зависит от его этнического происхождения. Если население иностранного происхождения является этнически нерусским, то высока вероятность, что его трудовые доходы будут ниже трудовых доходов местного населения. Для русского населения иностранного происхождения такая закономерность не выявлена. Трудовые доходы русского населения иностранного происхождения значительно не отличаются от трудовых доходов местного населения.

Кроме того, интеграция населения иностранного происхождения на российском рынке труда зависит от уровня доходов населения и принадлежности его к доходной группе. Чем выше уровень доходов,

тем меньше наблюдается отставание трудовых доходов нерусского населения иностранного происхождения от трудовых доходов местного населения.

Таблица 2

Дифференциация трудовых доходов: декомпозиция
Черножукова–Фернандес-Валь–Мелли

Квантиль	Население иностранного происхождения			
	русское		нерусское	
	Общий размер дифференциации трудовых доходов			
	Коэффициент	%	Коэффициент	%
0,25	-0,00 (0,01)	100,00	0,15** (0,01)	100,00
0,5	-0,02 (0,01)	100,00	0,08** (0,02)	100,00
0,75	0,00 (0,01)	100,00	0,05** (0,02)	100,00
	Эффект характеристик			
0,25	-0,01** (0,00)	–	-0,01** (0,00)	-6,67
0,5	-0,02** (0,00)	100,00	-0,02** (0,00)	-25,00
0,75	-0,02** (0,00)	–	-0,03** (0,01)	-60,00
	Эффект коэффициентов			
0,25	0,01 (0,01)	–	0,16** (0,01)	106,67
0,5	0,00 (0,00)	0,00	0,10** (0,02)	125,00
0,75	0,02 (0,02)	–	0,08** (0,02)	160,00

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно. Базовая группа – местное занятое население. В круглых скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2006–2012.

5. Заключение

В условиях снижения естественного прироста населения увеличение мигрантов на российском рынке труда может улучшить демографическую ситуацию в стране. Вместе с тем приток мигрантов на российский рынок труда может создать угрозы потери занятости для местных работников с низкой квалификацией, усугубить проблемы бедности населения низкодходных групп, создав, в конечном итоге, социальную напряженность в обществе и угрозу национальной безопасности страны.

При краткосрочном пребывании мигрантов такого рода проблемы не являются острыми. Мигранты остаются гражданами других стран и при необходимости могут быть возвращены в эти страны. Для регулирования легальной части краткосрочной миграции государство применяет различные нормы и регламенты. И в этой связи миграция является относительно контролируемой.

Гораздо сложнее обстоит дело с мигрантами, которые находятся на рынке труда относительно длительное время и получили гражданство страны пребывания. На них распространяются нормы трудового законодательства, и они могут претендовать на те же рабочие места, что и местная рабочая сила. Однако производительные характеристики таких мигрантов и местной рабочей силы могут существенно различаться. Мигранты могут отличаться от местной рабочей силы по уровню и качеству полученного образования, знанию русского языка, а также по этническим и культурным традициям.

Объектом изучения в данной работе выступала особая группа мигрантов – население иностранного происхождения. К нему относится население, родившееся за пределами страны проживания (Рекомендации ООН по статистике..., 1998). В России основную часть его составляют выходцы из республик бывшего Советского Союза. Предметом изучения в данной работе была интеграция населения иностранного происхождения на российском рынке труда. Анализ интеграции проводился по показателю трудовых доходов, который является важным для определения положения отдельных групп населения на рынке труда. Для проведения анализа были использованы данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2012 гг. Расчеты проводились с использованием методов декомпозиции Блайндера–Оаксаки (Blinder, 1973; Оаксака, 1973) и Черножукова–Фернандес-Валь–Мелли (Chernozhukov et al., 2013).

Из результатов анализа следует, что занятое население иностранного происхождения проживает в России в среднем 24 года. Выявлено, что 87% населения иностранного происхождения проживает в России в среднем более 11 лет и с высокой вероятностью имеет российское гражданство.

При этом на российском рынке труда происходит самоинтеграция мигрантов без участия со стороны государства. Интеграция населения иностранного происхождения на российском рынке труда зависит от его этничности и уровня трудовых доходов. Было установлено, что трудовые доходы русского населения иностранного происхождения значимо не отличаются от трудовых доходов местного населения. А трудовые доходы нерусского населения иностранного происхождения во всех доходных группах ниже, чем трудовые доходы местного населения. Но чем выше уровень доходов населения, тем меньше различия в трудовых доходах между двумя группами населения.

Выявленные в исследовании различия в условиях занятости и трудовых доходах между нерусскими мигрантами и местным населением

могут свидетельствовать об относительно низкой скорости их ассимиляции на российском рынке труда. При проживании нерусских мигрантов в России в среднем около 23 лет между ними и местной рабочей силой сохраняются различия в условиях занятости и трудовых доходах.

При этом ассимиляция русских мигрантов происходит на российском рынке труда более быстрыми темпами. Их длительность проживания в России в среднем на 2 года больше, чем у нерусских мигрантов. При этом трудовые доходы и условия занятости русских мигрантов значимо не отличаются от трудовых доходов и условий занятости местной рабочей силы.

Установлено, что основной вклад в дифференциацию трудовых доходов между нерусским населением иностранного происхождения и местным населением России вносит необъяснимая часть декомпозиции доходов. Исходя из этого, при одинаковых производительных характеристиках с местным населением трудовые доходы нерусского населения иностранного происхождения оказываются ниже трудовых доходов местного населения во всех доходных группах. Причинами отставания трудовых доходов могут быть ненаблюдаемая разнородность способностей двух групп населения, а также дискриминация на рынке труда.

Результаты нашей работы расширяют представления о функционировании российской модели рынка труда. Показывают неоднородность состава рабочей силы на российском рынке труда по стране рождения и качеству человеческого капитала. Они свидетельствуют о причинах дифференциации трудовых доходов населения. Указывают, что дифференциация трудовых доходов между населением иностранного происхождения и местным населением России зависит от этничности населения иностранного происхождения и неодинакова в высоко- и низкодходных группах населения.

Полученные нами результаты также вносят вклад в изучение проблем миграции и положения мигрантов на российском рынке труда. Они могут быть использованы при разработке мер миграционной политики. В частности, нацеленных на разработку специальных интеграционных программ для нерусского населения иностранного происхождения. Для управления миграцией необходимо вести регулярный мониторинг интеграционных процессов на российском рынке труда. Для этого органам государственной статистики следует разработать показатели и ежегодно проводить сбор информации о положении населения иностранного происхождения на российском рынке труда.

Трудовые доходы являются важным, но не единственным показателем, характеризующим интеграцию населения иностранного происхождения на рынке труда. В дальнейших исследованиях, для более полной картины интеграции на российском рынке труда, необходимо оценить различия в формах и видах занятости населения иностранного происхождения и местного населения России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1П

Средние значения характеристик населения иностранного происхождения и местного населения, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2006–2012 гг.

Переменные	Местное население	Население иностранного происхождения		
		все	русское	нерусское
Государственное предприятие (1 = да)	0,44 (0,49)	0,41*** (0,49)	0,43 (0,49)	0,37*** (0,48)
Официальное оформление по трудовому договору (1 = да)	0,87 (0,33)	0,83*** (0,37)	0,86 (0,34)	0,75*** (0,43)
Вредные или опасные условия труда (1 = да)	0,17 (0,48)	0,15* (0,52)	0,16 (0,54)	0,14** (0,43)
Вторичная занятость (1 = есть)	0,04 (0,20)	0,04 (0,19)	0,04 (0,19)	0,03 (0,17)
Смена места работы по сравнению с предыдущим годом (1 = сменил место работы)	0,16 (0,36)	0,15 (0,35)	0,14 (0,35)	0,14 (0,35)
Задолженность по заработной плате (1 = есть)	0,03 (0,18)	0,03 (0,17)	0,03 (0,17)	0,04 (0,18)
Уровень месячного трудового дохода, тыс. руб.	10,91 (5,47)	10,60*** (5,13)	10,80 (5,18)	10,11*** (5,00)
Число часов работы в месяц, ч	172,77 (35,65)	175,63*** (38,34)	174,15** (36,78)	179,30*** (41,73)
Средние почасовые трудовые доходы, руб.	64,93 (32,67)	63,46** (39,12)	64,14 (31,70)	61,80*** (53,12)
Доля русских, %	0,90 (0,29)	0,71*** (0,45)	-	-
Обучались в Советском Союзе (1 = да)	0,91 (0,28)	0,90 (0,29)	0,89*** (0,31)	0,92 (0,26)
Пол (1 = мужчины)	0,47 (0,49)	0,49 (0,50)	0,47 (0,49)	0,53** (0,49)
Возраст, лет	38,91 (11,63)	39,87*** (11,76)	39,29* (11,80)	41,30** (11,53)
Уровень образования				
общее среднее и ниже	0,08 (0,27)	0,09*** (0,30)	0,08 (0,27)	0,13*** (0,33)
среднее профессиональное	0,63 (0,48)	0,62 (0,48)	0,62 (0,48)	0,61 (0,48)
высшее	0,29 (0,45)	0,29 (0,45)	0,30 (0,44)	0,26** (0,42)
Семейное положение (1 = состоят в браке)	0,80 (0,39)	0,82** (0,38)	0,82** (0,38)	0,83** (0,37)
Проживание – Москва, включая Московскую область (1 = да)	0,14 (0,34)	0,18*** (0,38)	0,18*** (0,39)	0,18*** (0,38)
Стаж работы на одном предприятии, лет	7,20 (8,57)	6,78*** (8,11)	6,77** (8,26)	6,81** (7,73)
Число наблюдений	29 306	4003	2847	1156

Примечание. В таблице символами *, **, *** отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно. Базовая группа для F-теста – местное население. В круглых скобках приведены стандартные отклонения.

Таблица 2П

Длительность проживания населения иностранного происхождения в России, 2009–2012 гг.

Переменные	Население иностранного происхождения		
	все	русское	нерусское
Средняя продолжительность проживания в России, лет	24,32 (13,92)	24,88 (14,33)	23,15 (12,96)
Распределение по длительности проживания в России:			
1–5 лет	0,06 (0,23)	0,05 (0,22)	0,07 (0,26)
6–10 лет	0,08 (0,27)	0,07 (0,26)	0,09 (0,29)
11–20 лет	0,36 (0,48)	0,38 (0,48)	0,33 (0,46)
больше 20 лет	0,51 (0,50)	0,50 (0,50)	0,52 (0,50)
Число наблюдений	2160	1555	605
Текст на разнородность распределения населения иностранного происхождения по длительности проживания в России (Chi^2)	–	10,76**	

Примечание. В таблице символами *, **, *** отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно. Население в возрасте 15–72, размер выборки составил 13 810 респондентов (31 466 наблюдений), из них 93% – местное население; 7% – население иностранного происхождения, где 72% – этническое русское население иностранного происхождения, 28% – нерусское население иностранного происхождения. В круглых скобках приведены стандартные ошибки.

Таблица 3П

Распределение занятости населения иностранного происхождения и местного населения по отраслям экономики и профессиональным группам, РМЭЗ НИУ ВШЭ 2006–2012 гг., %

Переменные	Местное население	Население иностранного происхождения		
		все	русское	нерусское
Отрасли экономики				
Промышленность	0,21 (0,40)	0,19 (0,39)	0,20 (0,39)	0,17 (0,37)
Строительство	0,09 (0,29)	0,11 (0,30)	0,10 (0,29)	0,13 (0,33)
Транспорт, связь	0,10 (0,29)	0,10 (0,30)	0,11 (0,30)	0,10 (0,29)
Сельское хозяйство	0,03 (0,17)	0,03 (0,17)	0,03 (0,16)	0,03 (0,18)
Органы управления	0,03 (0,16)	0,02 (0,15)	0,03 (0,16)	0,01 (0,13)
Образование	0,09 (0,28)	0,08 (0,28)	0,08 (0,26)	0,08 (0,27)
Наука, культура	0,03 (0,17)	0,03 (0,18)	0,03 (0,18)	0,02 (0,14)

Окончание таблицы ЗП

Переменные	Местное население	Население иностранного происхождения		
		все	русское	нерусское
Отрасли экономики				
Здравоохранение	0,08 (0,27)	0,08 (0,28)	0,08 (0,28)	0,07 (0,25)
Армия, МВД, органы государственной безопасности	0,06 (0,22)	0,06 (0,22)	0,06 (0,23)	0,04 (0,19)
Торговля, бытовое обслуживание	0,21 (0,40)	0,22 (0,43)	0,20 (0,40)	0,28 (0,44)
Финансы	0,02 (0,15)	0,03 (0,17)	0,03 (0,16)	0,02 (0,13)
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,04 (0,19)	0,04 (0,22)	0,04 (0,21)	0,04 (0,19)
Другое	0,01 (0,06)	0,01 (0,05)	0,01 (0,05)	0,01 (0,04)
Тест на разнородность распределения (Chi ²)	-	29,02***	47,36***	88,09***
Профессиональные группы				
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	0,04 (0,19)	0,04 (0,19)	0,04 (0,18)	0,04 (0,21)
Специалисты высшего уровня квалификации	0,19 (0,39)	0,17 (0,37)	0,17 (0,37)	0,16 (0,36)
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	0,18 (0,38)	0,19 (0,39)	0,21 (0,40)	0,15 (0,35)
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	0,06 (0,24)	0,07 (0,24)	0,07 (0,25)	0,07 (0,24)
Работники сферы торговли и услуг	0,12 (0,32)	0,12 (0,32)	0,11 (0,31)	0,14 (0,35)
Квалифицированные рабочие	0,32 (0,46)	0,32 (0,46)	0,31 (0,46)	0,33 (0,47)
Неквалифицированные рабочие	0,09 (0,29)	0,10 (0,28)	0,09 (0,29)	0,11 (0,30)
Тест на разнородность распределения (Chi ²)	-	74,40***	47***	86,99***
Число наблюдений	28807	3940	2799	1141

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно. В круглых скобках приведены стандартные ошибки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Вакуленко Е.С., Леухин Р.С. (2016). Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // *Экономическая политика*. Т. 1. № 11. С. 121–142. [Vakulenko E.S., Leukhin R.S. (2016). Are foreign workers discriminated against in the Russian labor market? *Economic Policy*, 11 (1), 121–142 (in Russian).]

- Варшавер Е.А., Рочева А.Л.** (2016). Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее существовании может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 3. № 14. С. 315–330. [**Varshaver E.A., Rocheva A.L.** (2016). Migrant integration: What it is and what role the state can play in its existence. *The Journal of Social Policy Studies*, 14, 315–330 (in Russian).]
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В.** (2010). Миграция и демографический кризис в России. М.: МАКС Пресс. [**Zayonchkovskaya Z.A., Tyuryukanova E.V.** (2010). *Migration and demographic crisis in Russia*. Moscow: MAKS Press (in Russian).]
- Ионцев В.А., Ивахнюк И.В.** (2013). Модели интеграции мигрантов в современной России. *CARIM-East RR*. № 12. С. 1–18. [**Iontsev V.A., Ivakhnyuk I.V.** (2013). Models of migrant integration in modern Russia. *CARIM-East RR*, 12, 1–18 (in Russian).]
- Катровский А.П.** (1999). Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация. В кн.: Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Издательское товарищество «Адамант». [**Katrovsky A.P.** (1999). Educational migration to Russian universities: Factors and motivation. In: *Migration and urbanization in the CIS and Baltic states in the 90s*. Moscow: Publishing Association “Adamant” (in Russian).]
- Локшин М.М., Чернина Е.М.** (2013). Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 1. № 17. С. 41–74. [**Lokshin M.M., Chernina E.M.** (2013). Migrants on the Russian labour market: portrait and wages. *Economic Journal of Higher School of Economics*, 17 (1), 41–74 (in Russian).]
- Малахов В.С.** (2015). Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия». [**Malakhov V.S.** (2015). *Migrant integration: Concepts and practices*. Moscow: Foundation “Liberal Mission” (in Russian).]
- Мукомель В.И.** (2016). Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества. В кн.: Россия реформирующаяся: Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, Новый хронограф. [**Mukomel V.I.** (2016). Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society. In: *Russia reforming: Yearbook*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, New Chronograph (in Russian).]
- Ожегов С.И.** (2000). Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник. [**Ozhegov S.I.** (2000). *Thesaurus of the Russian language*. Moscow: Azbukovnik (in Russian).]
- ООН (2019). Народонаселение. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций. <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/index.html> [UN (2019). *Population*. New York: United Nations (in Russian).]
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н.** (2015). Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // *Народонаселение*. № 2. С. 64–73. [**Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Khramova M.N.** (2015). Return migration of compatriots to Russia: Is there a migration potential? *Population*, 2, 64–73 (in Russian).]

- Топилин А.В.** (2010). Взаимодействие миграционных и этнических процессов. М.: ИСПИ РАН. [**Topilin A.V.** (2010). *The interaction of migration and ethnic processes*. Moscow: ISPI RAS (in Russian).]
- Юдина Т.Н.** (2014). Адаптационные и интеграционные контракты: опыт стран иммиграции для России // *Дневник АШПИ* (Алтайская школа политических исследований). № 30. С. 143–151. [**Yudina T.N.** (2014). Adaptation and integration contracts: The experience of immigration countries for Russia]. *The Political Studies Diary of the Altai School*, 30, 143–151 (in Russian).]
- Aldashev A., Gernandt J., Thomsen S.** (2012). The immigrant-native wage gap in Germany. *Journal of Economics and Statistics*, 5, 490–517.
- Aleksynska M., Algan Y.** (2010). Economic and cultural assimilation and integration of immigrants in Europe. *IZA Discussion Papers*, 1–46.
- Anees M., Sajjad M., Ahmed I.** (2011). A counterfactual decomposition analysis of immigrants-natives earnings in Malaysia. *Kiel Institute for the World Economy (Institut für Weltwirtschaft, IfW) Papers 678794928*, 1–24.
- Barrett A., McCarthy Y.** (2007). Immigrants in a booming economy: Analysing their earnings and welfare dependence. *Labour*, 21 (4), 789–808.
- Bartolucci C.** (2010). Understanding the native-immigrant wage gap using matched employer-employee data: Evidence from Germany. *Carlo Alberto Notebooks. Collegio Carlo Alberto*, 150, 1–36.
- Bisin A., Patacchini E., Verdier T., Zenou Y.** (2011). Ethnic identity and labour market outcomes of immigrants in Europe. *Economic Policy*, 25 (65), 57–92.
- Blau F., Mackie C.** (2016). *The economic and fiscal consequences of immigration*. Washington: A Report of the National Academies.
- Blinder A.** (1973). Wage discrimination: Reduced form and structural estimates. *Journal of Human Resources*, 8, 436–455.
- Borjas G., Hilton L.** (1996). Immigration and the welfare state: Immigrant participation in means-tested entitlement programs. *The Quarterly Journal of Economics*, 111 (2), 575–604.
- Boudarbat B.** (2011). Labour market integration of immigrants in Quebec: A comparison with Ontario and British Columbia. *CIRANO Project Reports 2011RP-09*, 1–51.
- Cabral S., Duarte C.** (2013). Mind the gap! The relative wages of immigrants in the Portuguese labour market. *Working Paper Banco de Portugal wp201305*, 1–48.
- Chernozhukov V., Fernandez-Val I., Melly B.** (2013). Inference on counterfactual distributions. *Econometrica*, 81, 2205–2268.
- Chiswick B.** (1978). The effect of Americanisation on the earnings of foreign-born men. *Journal of Political Economy*, 86, 897–921.
- Christl M., Köppl-Turyna M.** (2017). Gender wage gap and the role of skills: evidence from PIAAC dataset. *GLO Discussion Paper 157335*, 1–42.
- Chudinovskikh O.** (2013). *The Russian Federation SOPEMI International migration report 2012*. Paris: OECD.
- Commander S., Denisova I.** (2012). Are skills a constraint on firms? New evidence from Russia. *IZA Discussion Papers dp7041*, 1–18.

- Constant A., Zimmermann K.** (2011). Migration, Ethnicity and Economic Integration. In: M.N. Jovanovic (ed.). *International Handbook of Economic Integration*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, 145–168.
- Elliott R., Lindley J.** (2008). Immigrant wage differentials, ethnicity and occupational segregation. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*, 171, 645–671.
- Glitz A.** (2014). Ethnic segregation in Germany. *Labour Economics*, 29, 28–40.
- Hofer H., Titelbach G., Winter-Ebmer R., Ahammer A.** (2017). Wage discrimination against immigrants in Austria. *Labour*, 31, 105–126.
- Husted L., Nielsen H., Rosholm M., Smith N.** (2000). Hit twice. Danish Evidence on the Double-Negative Effect on the wages of immigrant women. *Working paper of Centre for Labour Market and Social Research Working Paper 0003042*, 1–19.
- Hyman I., Mercado R., Galabuzi G., Patychuk D.** (2011). A critical review of social exclusion and inclusion indicators: Implications for the development of a Canadian framework. *Immigrant Integration: Research Implications for Future Policy*, 85–102.
- Irastorza N., Bevelander P.** (2017). The labour market participation of humanitarian migrants in Sweden: An overview. *Intereconomics*, 52, 270–277.
- Kalter F., Granato N.** (2002). Recent trends of assimilation in Germany. *ZUMA – Arbeitsbericht*, 01–02, 1–32.
- Kerr S., Kerr W.** (2011). Economic impacts of immigration: A survey. *National Bureau of Economic Research*, 16736, 1–37.
- Krutova O., Lipiäinen L., Koistinen P.** (2016). Patterns of integration: A longitudinal view of the labour market attachment of immigrants in Finland. *Nordic Journal of Migration Research*, 6, 102–114.
- Kymlicka W.** (2010). *The current state of multiculturalism in Canada*. Ottawa: Minister of Public Works and Government Services Canada.
- LaLonde R., Topel R.** (1991). Immigrants in the American Labor Market: Quality, assimilation, and distributional effects. *American Economic Review*, 81, 297–302.
- Liebig T.** (2007). The labour market integration of immigrants in Germany. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers 47*, 1–65.
- Liebig T.** (2009). Jobs for immigrants: Labour market integration in Norway. *OECD Social Employment and Migration Working Papers 94*, 1–88.
- Lubotsky D.** (2007). Chutes or ladders? A longitudinal analysis of immigrant earnings. *Journal of Political Economy*, 115, 820–867.
- Machado J., Mata J.** (2005). Counterfactual decomposition of changes in wage distributions using quantile regression. *Journal of Applied Econometrics*, 20, 445–465.
- Mincer J.** (1974). *Schooling, experience, and earnings*. New York: Columbia University Press.
- Oaxaca R.** (1973). Male–female wage differentials in urban labor markets. *International Economic Review*, 14, 693–709.
- Perlman J., Waldinger R.** (1997). Second-generation decline? Children of immigrants, past and present. A reconsideration. *International Migration Review*, XXXI, 893–921.
- Portes A.** (1995). *The economic sociology of immigration: Essays on networks, ethnicity, and entrepreneurship*. New York: Russell Sage Foundation.

- Portes A., Zhou M.** (1993). The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530, 74–96.
- Schuck P.** (2000). Citizenship in federal systems. *The American Journal of Comparative Law*, 48, 195–226.
- Tastoglou E., Preston V.** (2005). Gender, immigration and labour market integration: Where we are and what we still need to know. *Atlantis: Critical Studies in Gender, Culture & Social Justice*, 30, 46–59.
- Van Kerm P., Yu S., Choe C.** (2016). Decomposing quantile wage gaps: A conditional likelihood approach. *Journal of the Royal Statistical Society: Series C (Applied Statistics)*, 65 (4), 507–527.
- Weiner M.** (1992). Security, stability, and international migration. *International Security*, 17, 91–126.
- Zenou Y.** (2009). How common is integration policy in Europe? In: S. Gustavsson, L. Oxelheim, L. Pehrson (eds.). *How Unified in the European Union*. Berlin: Springer Verlag, 139–155.
- Zimmermann L., Zimmermann K., Constant A.** (2007). Ethnic self-identification of first-generation immigrants. *International Migration Review*, 41, 769–781.

Поступила в редакцию 08.07.2019

Received 08.07.2019

L.I. Smirnykh

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

E.Y. Polaykova

National Research University “Higher School of Economics”, Saint-Petersburg, Russia

Income and the integration of migrants in the Russian labour market¹⁴

Abstract. Labour resources of countries are important for their economic growth and national security. The problem of the native population decline in many countries is solved by increasing an influx of international immigrants. Russia is not an exception. The main research object of this study is the special category of immigrants – foreign-born population. The character of integration of foreign-born population on the Russian labour market is the main research subject in this study. For our analysis we use the Russian Longitudinal Monitoring Survey data of 2006–2012 and apply Oaxaca–Blinder decompositions. Our findings show that integration of the foreign-born in the Russian labour market depends on their ethnicity and income level. The ethnic Russian foreign-born have similar income compared to the natives. However, income of the non-Russian ethnic foreign-born is lower than income of the natives. At the same time, the income differences between two groups decrease with their income level growth.

Keywords: *immigration, foreign-born, integration, income differentiation, discrimination, labour market.*

JEL Classification: J15, J31, J61, J71.

DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-4

¹⁴ This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE).